

ТУРА

Вера Камша

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ появившаяся в последнее время информация Счетной палаты о якобы катастрофическом положении в Эрмитаже многих просто потрясла. Неужели величайший музей действительно на краю пропасти?

— Надо четко различать две вещи. Во-первых, представление Счетной палаты как таковое. Во-вторых то, что Счетная палата позволяет себе нарушить нет, не правила (они, как всякие чиновники, правила знают), а некие этические нормы. Самое неприятное, что претензии в наш адрес базируются не на материалах Счетной палаты, на которые мы ответим официально, а на статьях, рассказах и интервью ее сотрудников...

— Давайте сначала поговорим об официальном документе, родившемся в результате проверки.

— Лично я считаю его необъективным, к тому же в нем ощущается явное непонимание того, как работает музей. Тем не менее этот документ существует, и, следовательно, существует процедура работы с ним. Мы его получили, мы готовим на него точные ответы (хотя, правду сказать, мы их несколько раз уже давали, но к нам не прислушались). Что ж, ответим еще раз, причем публично на пресс-конференции, которая назначена на 28 марта. Это схема, в которой можно дискутировать, и мы будем дискутировать открыто.

— В чем заключается неэтичность поведения сотрудников Счетной палаты?

— В том, что они, сместив акценты, устроили вокруг происходящего настоящее представление, причем до того, как мы получили документ. Не говоря уж о том, что в связи с бумагами, которые должны рассматриваться на государственном уровне, этого вообще не следует делать. Вызывает удивление и такой вариант действий, как заглядывание в неофициальные бумаги и тексты с тем, чтобы выискать что-то, на что сразу нельзя дать ответ. Вот мы с вами сейчас разговариваем, а передо мной на столе лежит множество моих личных бумажек, на которые я сразу и не отвечу. Но я и не обязан это делать, потому что они не являются официальными документами.

— Но все же утверждения о том, что в Эрмитаже сложилась совершенно катастрофическая ситуация, огорчили и напугали многих, поэтому, если можно, расскажите, как все было. Хотя бы о той же выборочной проверке.

— Я уже многократно говорил, что факты не соответствуют действительности; они удивительно изящно подтасованы. А выборочная проверка? Ее просто не было. Была проверка 29 вещей, причем все они оказались на месте.

— А как быть с так называемыми «непереданными» предметами?

— Да, действительно, одна из самых больших наших проблем — хранение. В Эрмитаже громадное количество вещей, и передача их от хранителя к хранителю — вопрос не сиюминутный. Нынешние хранители, к сожалению, стареют и умирают, а найти замену очень и очень тяжело. Хранителя надо подбирать поштучно, его надо воспитывать, готовить, а это требует времени. Но это отнюдь не означает, что вещи даже на короткий период остаются «бесхозными». За них отвечает главный хранитель отдела, на них имеется научная документация, все они зафиксированы в актах. Все нормы соблюдаются самым строгим образом, никаких нарушений ни музейных правил, ни законодательства Эрмитаж не допускает.

— А нецелевая трата средств? Она-то была?

— Эти разговоры возникли вокруг строительства нового фондохранилища. Это самое главное из того, что нужно Эрмитажу, но государство этот проект не финансировало. Из года в год не выполнялся государственный бюджет (за исключением нынешнего года), не выполнялся указ президента, и нам приходилось выискивать какие-то способы, прилагать страшные усилия, чтобы все-таки его достроить. И мы это сделали! А теперь, вместо того чтобы сказать «спасибо» и помочь, то есть потребовать от государства необходимые средства, нам говорят, что мы сами виноваты в том, что хранилище недостроено, и чуть ли не требуют вернуть деньги, которых мы не получали.

— Еще, если не ошибаюсь, вам вменяют в вину такую вещь, как «упущенная выгода».

— Да нет никакой «упущенной выгоды». Да, мы не стали торговски-бандитски требовать со всех деньги, но ведь этого и нельзя делать — за выставки деньги платить не полагается. Зато мы создали международную систему отношений, в результате которой каждая выставка, которую мы делаем, оборачивается или компенсацией (то есть платой за произведенную работу), или созданием общества друзей, которые нам помогают, или обменной выставкой, или получением материалов и техники. Надо не сокрушаться «об упущенной» выгоде, а благодарить за приобретенную.

Я скорее ожидал от проверяющих вопросов иного типа. Скажем: не слишком ли мы усердствуем, зарабатывая деньги на го-

сударственном имуществе, национальных сокровищах? Они, безусловно, должны показываться всему миру, но уверены ли мы, что экспонаты при этом совершенно не страдают? Вот вопросы, которые можно ожидать от людей, действительно болеющих за Эрмитаж. И мы бы на них с удовольствием ответили.

В отсутствие нормального финансирования культуры Эрмитаж научился очень многие проблемы решать самостоятельно. При этом мы ничего не скрываем. Чуть что случается — сразу же приглашаем журналистов. Прошел слух, что затопили подвалы? Мы немедленно их открыли и рассказали, что же там происходит. Такова наша политика. Поэтому я сейчас довольно много общаюсь с людьми, с прессой, хоть мне и говорят, что лучше было бы уйти в сторонку и переждать. Дескать,

— Значит, вы допускаете мысль, что скандал вокруг Эрмитажа как-то связан с общеполитической ситуацией?

— Я не собираюсь разбираться, чья это интрига, но мне совершенно ясно: идет отработка или использование довольно грязных технологий. И я уверен, что создание вокруг Эрмитажа не очень красивой атмосферы не только не соответствует действительности и не идет на пользу делу, но и совершенно не вовремя обостряет ситуацию и в городе, и в стране.

Сейчас время президентских выборов, затем в Петербурге пройдут выборы губернатора, нервы у всех и так напряжены, зачем же еще больше усугублять обстановку? Тем более что катастрофы никакой нет, музей работает, решает свои проблемы и ничем своего доброго имени не запятнал.

рицы в Германию, состоится большая выставка мусульманского искусства. Ислам и его отражение в искусстве — тема очень актуальная не только художественно, но и политически. Это наш вклад в улучшение обшедуховной атмосферы нашей страны.

Затем мы откроем выставки сокровищ армянской Церкви (самой старой из существующих христианских церквей) и «Византия. Русь. Синай», посвященную монастырю святой Екатерины на Синае, который многие годы содержался Российской империей. На блестящих материалах нашей коллекции мы осветим проблему взаимоотношений государства и Церкви, содержания Церкви и духовных институтов в России и Византии. Радует, что выставка эта состоится в соборе Зимнего дворца, откуда теперь убрана экспозиция фарфора. Да, это прекрасная

ПАЛАТА ГЕРОСТРАТА?

«Никаких нарушений музейных правил и законодательства Эрмитаж не допускает», — утверждает Михаил Пиотровский

скандал дутый, покричат и перестанут. Но молчание противоречило бы нашей общей позиции — и моей, и музейной. Мы привыкли все рассказывать, все показывать и все объяснять. К сожалению, это тоже не всем нравится.

— Ну это все же вряд ли...

— И тем не менее наши годовые отчеты, похоже, не понравились комиссии именно тем, что в них открыто написано многое из того, что они могли бы исследовать, выискивать, разбирать и в итоге вытащить на свет Божий какую-то сенсацию. Разумеется, плохую. А тут мы за них сделали всю работу да еще и предоставили множество сенсаций хороших, которые оказались не нужны.

— Какова все же истинная причина всех этих «разоблачений»? Вы ведь наверняка имеете свою версию, а то и несколько.

— Лично я считаю, что на самом деле это скандал не вокруг Эрмитажа, а вокруг Счетной палаты. Это далеко не первый случай (причем не только с музеями), когда ее сотрудники позволяют себе совершенно неэтичное поведение и демонстрируют свое нежелание профессионально подходить к поставленным вопросам. У них свои проблемы, и, вполне возможно, они пытаются их решать, создав себе славу вокруг громкого имени.

Один из вариантов — воспользоваться именем Эрмитажа, подняв вокруг него скандал и выдвинув Счетную палату на подмостки, чтобы ее стало хорошо видно. И при этом не думают о последствиях...

— Конечно, людям, отдавшим свою жизнь Эрмитажу, читать подобное очень горько...

— Горько, но я говорю сейчас не об этом. Конечно, подобная кампания всегда затрагивает людей, но дело даже не в Эрмитаже и не в тех, кто в нем работает.

Есть музей, музей, существующий уже 250 лет и являющийся одним из символов России. И вот начинаются разговоры о том, что он на грани полной катастрофы. Результат очевиден: и внутри страны, и за рубежом становится очевидным: если уж Эрмитаж на грани катастрофы, то дела России совсем плохи.

Мы уже проходили нечто подобное, когда несколько лет назад хоронили Россию (хотя лично я считаю, что все совсем не так страшно, как мы иногда про себя говорим). Нам поверили. В результате во всем мире к нам теперь относятся значительно хуже, чем в советское время. Для среднего американца или европейца русский сейчас более неприятный и менее уважаемый тип, чем 10—15 лет назад, когда про нас было известно много действительно плохого, но мы о катастрофе в собственном доме не объявляли.

Нынешним государственным людям нужно учитывать и этот эффект. Те, кто устраивает и подогревает выброс в прессу материалов с неправильно смещенными акцентами, волюно или неволью ослабляет наши позиции.

Михаил Пиотровский. Фото Людмилы Волковой

— Да, последний год века начинается для вас не очень приятно...

— А вы знаете, я не отношу поднятый скандал к разряду самых важных событий в жизни Эрмитажа, хотя людям со стороны может показаться именно так. Жизнь идет. А что до конца тысячелетия, то мы его оформляем экспозициями, которые не только красивы, но и заставляют думать.

После небольшой, но очень изящной выставки, посвященной Турниру Белой Розы, знаменитому рыцарскому турниру, который был устроен в девятнадцатом веке в честь приезда русской императ-

коллекция, но в церкви она была совершенно неуместна. Теперь она будет находиться в присоединенном к нам левом крыле Главного штаба.

Кроме того, произошло еще одно событие, которое для нас имеет знаковый характер. Мы открыли доску памяти Александра Второго в той комнате, где он умер от ран.

— Что ж, император-освободитель это заслужил.

— Это не просто увековечение его памяти. Таким образом мы заявляем свою позицию относительно проблемы памяти как таковой.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Михаил Борисович Пиотровский родился 9 декабря 1944 года в Ереване в семье выдающегося ученого-археолога Бориса Пиотровского, в течение многих лет возглавлявшего Государственный Эрмитаж. Окончил восточный факультет Ленинградского университета, стажировался в Каирском университете, работал сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (сфера научных интересов: древняя и средневековая история Ближнего Востока, му-

сульманское искусство и археология), участвовал в археологических экспедициях в Средней Азии, на Кавказе, в Йемене. Автор более 150 научных работ, в том числе книг «Южная Аравия и раннее Средневековье». «Коранические сказания». С 1992 года — директор Эрмитажа. Член президиума Российского комитета ЮНЕСКО, член Международного совета музеев, консультант при Европейском совете, президент Всемирного клуба петербуржцев. В 1997 году награжден орденом Почета. Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН.

САТИРИКОН
имени Аркадия Райкина

Айрис Мёрдок

СЛУТИ И СЧЕТ

Жанр спектакля режиссер-постановщик Елена НЕВЕЖИНА не определяет. Но можно сказать, что это криминальная драма, в которой есть и преступление, и насилие, и любовные перипетии... Но это внешние события, а за ними, вернее, в центре всего происходящего — ВЛАСТЬ, ее природа и влияние на все сферы человеческого существования: власть и личность, власть и любовь, власть и свобода, власть и Бог...

Действие пьесы разворачивается как бы вне определенного исторического времени и географического пространства.

Итак, старинное именование, глущь, снег, отрезанность от всего света...

4, 12, 13, 20, 26 апреля ☎ для заказа билетов 218-2030